

воззрѣніе можетъ быть доказано осязательно, если мы не приобрѣтемъ способности жить и внѣ земли, во всей вселенной; безъ такой способности, которая дастъ намъ возможность не только посѣтить, но и населить всѣ міры вселенной, мы не можемъ убѣдиться, что эти міры именно таковы, какъ это слѣдуетъ по воззрѣнію Коперника, а не таковы, какими они намъ кажутся. Способность же жить во всей вселенной, давъ возможность роду человѣческому населить всѣ міры, дастъ намъ и силу объединить міры вселенной въ художественное цѣлое, въ художественное произведение, многоединнымъ художникомъ коего, въ подобіе Трїединому Творцу, будетъ весь родъ человѣчскій въ совокупности всѣхъ воскрешенныхъ и возсозданныхъ поколѣній, воодушевляемыхъ Богомъ, или Духомъ Святымъ, уже не говорящимъ лишь и при томъ чрезъ нѣкоторыхъ только людей, пророковъ, а дѣйствующимъ чрезъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ ихъ этической, или братской, совокупности, чрезъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, достигающихъ божественнаго совершенства („будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ“) въ дѣлѣ въ трудѣ возстановленія міра въ то благолѣпіе нетлѣнія, какимъ онъ былъ до паденія. При этомъ объединенныя наука и искусство стануть этикой и эстетикой, слѣлаются естественной, міровой техникой этого художественнаго произведенія, космоса,—объединенныя наука и искусство будутъ тогда этико—эстетическимъ богодѣйствомъ, и не мистическимъ уже, а реальнымъ. Итакъ, если храмъ Птолемеевского искусства, будучи подобіемъ мірозданія, какъ оно представляется нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, если этотъ, сравнительно малый до ничтожества храмъ, но одушевляемый внутреннимъ чувствомъ по своему глубокому смыслу, по духу, оказывается несравненно выше вселенной, то въ Коперниканскомъ искусствѣ внутреннее и внѣшнее выраженіе достигнуть полного соотвѣтствія.—сего ради и созданъ человѣкъ, въ этомъ (въ достиженіи соотвѣтствія внутренняго и внѣшняго) и заключается отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ и цѣли, которымъ не переставали заниматься разумныя существа, не переставали мучиться надъ его разрѣшеніемъ забывшіе отцовъ, потерявшіе вѣру въ Бога отцевъ. Наша же древняя Русь, отцевъ не забывавшая и вѣры въ Бога—отцовъ не терявшая, на которую мы смотримъ, какъ Іудеи смотрѣли на Галилею, на Назаретъ, не ожидая отъ нея ничего добраго, ничего высокаго, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи,—наша древняя Русь не сомнѣвалась, что отвѣтъ на вопросъ—*„чесо ради созданъ бысть человекъ“*—заключается въ томъ, что люди созданы быть небесными силами взамѣнъ падшихъ ангеловъ, чтобы быть божественными орудіями въ дѣлѣ управленія міромъ, въ дѣлѣ возстановленія его въ то благолѣпіе нетлѣнія, какимъ онъ былъ до паденія“.

(Филос. Общ. Дѣла. стр. 416—417.)

На страницѣ 257-й Философіи Общаго Дѣла говорится: „Москва, собирательница Россіи,—можно сказать,—есть дочь Византіи, но рожденная въ старости, потому—то и храмомъ собиранія былъ въ ней храмъ Успенія Богоматери, а не храмъ Софіи—Премудрости Божіей, которая была символомъ Троицы, и храмъ коей, созданный въ цвѣтущую эпоху Константинополя, былъ какъ-бы художественнымъ выраженіемъ этого догмата“, въ основѣ котораго положена молитва Господа Нашего Іисуса Христа—, да бу-